

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК И ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНОЕ КОЙНЕ¹

А.И.Изотов

По образному выражению известных чешских лингвистов Петра Сгалла и Иржи Гронека, «у литературного чешского языка нет естественных носителей» (*spisovná čeština nemá své rodilé mluvčí* [Sgall, Hronek 1992: 26]). Различия между кодифицированным литературным чешским языком (*spisovná čeština*) и сложившимся на базе собственно-чешских говоров обиходно-разговорным койне (*obecná čeština*) затрагивают практически все уровни языковой системы и настолько значительны, что, например, иностранцу легко может показаться, что речь идет о разных, пусть и о близкородственных языках (что-то вроде пары *русский – белорусский* или *турецкий – азербайджанский*). Чешский дошкольник знакомится естественным путем (т.е. через бытовое общение) с обиходно-разговорным койне либо диалектом (интердиалектом), а затем идет в школу и начинает там зубрить парадигмы «родного» литературного языка.

Истоки данного положения вещей следует искать в особенностях исторического развития Чехии и всего региона за последние 6-7 веков. В результате ряда исторических событий, приведших в итоге к трансформации Священной Римской империи как наднационального образования в империю наследственных земель габсбургской династии², Чехия из центрально-европейской сверхдержавы (Пршемьсл Отакар II, упомянутый в «Божественной комедии» Данте в качестве примера мудрого государя, правил землями, простиравшимися от Балтийского моря до Адриатики; так называемые «земли чешской короны» когда-то включали в себя не только королевство Богемия и маркграфство Моравию, но также силезские княжества, Лужицу и Бранденбург; чешский король был одним из курфюрстов империи – тех, кто избирал и мог быть избранным на императорский престол, а учитывая, что в соответствии с имперской «золотой буллой» курфюрстами были **король Богемский, маркграф Бранденбургский**, герцог Саксонский, граф Пфальцский, архиепископы Майнцский, Трирский и Кельнский, он контролировал два голоса из семи) фактически превратилась к концу XVIII века в авст-

¹ Статья написана на основе доклада на Всероссийской научно-практической конференции «Регионально ориентированные исследования филологического пространства» в г. Оренбурге 14 ноября 2008 г.

² Именно так официально называлось то государство, которые мы знаем как Австро-Венгрию.

рийскую провинцию, а чешский язык оказался вытесненным (полностью или почти полностью) из большинства сфер функционирования естественного языка – сфер науки, литературы, повседневного общения. Немецким или германизированным тогда была значительная, если не бо́льшая часть населения Чехии и Моравии. Вспомним, что в 1918 году Масарику и Бенешу, чтобы сформировать Чехословакию как мононациональное государство (с национальными меньшинствами – немцами, венграми, украинцами), пришлось изобрести национальность «чехословак», иначе немцы не укладывались в «национальное меньшинство». Даже в сельской местности на рубеже XVIII-XIX веков целые регионы были немецкоязычными, в городах же чешский язык воспринимался зачастую как *Dienerinnensprache* – букв. «язык служанок». Видимо, чехов ждала участь полабских славян, без остатка растворившихся в немецком массиве, или лужицких сербов, растворяющихся сейчас, если бы не взлет патриотических настроений на волне романтизма после наполеоновских войн. «Патриарх славистики» Йозеф Добровский пишет *Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache* (естественно, на немецком языке), Йозеф Юнгманн составляет многотомный чешско-немецкий словарь, в который смело включает, бегемизировав их огласовку, слова иных славянских языков, прежде всего польского и русского. Читать и говорить по-чешски среди «патриотов» (*vlastenci* – самоназвание деятелей чешского национального возрождения, см. [Betsch 1998]) становится модно, постепенно складывается новая литература.

Однако Й. Добровский, составляя свою «Подробную грамматику...», ориентировался прежде всего на чешские художественные тексты так называемого добелогорского периода – периода расцвета чешской литературы в XVI-начале XVII столетий. В результате в этой грамматике оказались не отраженными вообще либо отраженными в явно недостаточной степени многие существенные изменения в фонетике, морфологии, синтаксисе, произошедшие в собственно-чешских говорах более чем за два столетия. Среди наиболее заметных изменений отметим переход долгого [ē] (графически *é*) в долгий [ī], а долгого [ī] (графически *ú* или *í*) – в дифтонг [eī] (графически *ej*), появление протетического [v] перед [o] в начале слова, упрощение групп согласных, всевозможные ассимилятивные и диссимилятивные процессы, унификацию окончаний парадигм склонения и спряжения, усечение окончаний и словоизменительных суффиксов в целом ряде позиций, аналогическое выравнивание, переоформление 1 лица ед. числа прошедшего времени «по русской модели» (*l-причастие* + *презентная форма глагола 'быть' > местоимение* + *l-причастие*), дублирование подлежащего личным местоимением.

В результате речь современного чеха может представлять непростую комбинацию элементов литературного языка и обиходно-разговорного койне, причем доля того или другого зависит от таких факторов, как ситуация общения, возраст, образование, социальный статус говорящего и/или собеседника, степень их знакомства и т. д. Употребляющий литературных элементов больше, чем требуется в данной конкретной ситуации, рискует прослыть снобом, меньше – невежей, при этом «переключение кодов» происходит автоматически и незаметно для самого носителя языка.

Среди ответов на извечные вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» можно услышать и весьма радикальные. Во всем виноват Й. Добровский, который вместо того, чтобы кодифицировать живой чешский язык, почему-то взял за образец язык средневековых манускриптов и инкунабул. Давайте же хоть сейчас (лучше поздно, чем никогда) кодифицируем живой язык, ср. материалы конференции в Оломоуце [Spisovná čeština a jazyková kultura... 1995].

К сожалению, призывы подобного рода нельзя принимать всерьез. Во-первых, «живой чешский язык» – абстракция. Собственно-чешское обиходно-разговорное койне (obecná čeština), которое под «живым чешским языком» обычно понимается, не покрывает всей территории распространения чешского языка. Сделать обиходно-разговорный чешский язык (так переводила термин obecná čeština ведущий отечественный богемист минувшего столетия профессор А.Г. Широкова, ср. [Васильева, Широкова 2003]) языком литературным значило бы нарушить естественные права тех чехов, у которых другой «живой чешский язык» (например, obecná moravština – обиходно-разговорное моравское койне или obecná laština – обиходно-разговорное силезское койне).

Но даже если мы решимся игнорировать мораван и силезцев, мы всё равно никуда не уйдем от того обстоятельства, что obecná čeština – не язык в собственном смысле этого слова. Это скорее набор собственно-чешских интердиалектных элементов, не совпадающих с соответствующими элементами литературного языка³, причем речь идет об элементах разной степени употребительности. Например, существующая в соответствии с литературной формой *bychom* обиходно-разговорная форма *bysme*, используемая при образовании кондиционалиса 1 лица мн. числа (*Šli bychom tam / Šli bysme tam* ‘Мы бы пошли туда’) достаточно обычна, а вот обиходно-разговорная форма *bysem*, существующая параллельно литературной форме *bych* и используемая при образовании того же кондиционалиса 1 лица, но уже единственного числа (*Šel bych*

³ Такое рабочее определение обиходно-разговорного собственно-чешского койне (obecná čeština) не встретило возражений коллег из отдела грамматики Института чешского языка Академии наук Чешской республики, где автор статьи стажировался в 2006 году.

tam / Šel **bysem** tam ‘Я бы пошел туда’) встречается крайне нерегулярно. В электронном корпусе современных чешских письменных художественных, публицистических и специальных текстов SYNEK (11 959 431 токен) представлено 67 примеров употребления формы *bysme* в соответствии с 1873 примерами употребления формы *bychom* и 10 примеров употребления формы *bysem* в соответствии с 5548 примерами употребления формы *bych*. Иначе говоря, если в случае в парой *bysme–bychom* речь идет о соотношении один к 28, то в случае с парой *bysem–bych* – о соотношении один к 555. Так какие же обиходно-разговорные формы мы будем кодифицировать **вместо** существующих литературных, а какие нет?

Если и сейчас, после масштабных унификационных процессов XX века (мировые войны; преобладание городского населения над сельским; массовая коммуникация) нет единого «живого чешского языка», которым можно было бы заменить литературный чешский язык (успешно функционирующий), справедливо ли упрекать Й. Добровского, что он не нашел подходящего для кодификации «живого чешского языка» двести лет назад, когда чешские диалекты были практически законсервированы (тогдашний крестьянин, выбиравшийся пару раз в году в город или на ярмарку, всю свою жизнь слышал своих же соседей)? Кроме того, Й. Добровский в общем-то и не собирался ничего кодифицировать, так как «не считал, что чешский язык нужно развивать для тонкого языка искусства и научного стиля» [Petr 1989: 35]. Он блестяще выполнил грандиозную задачу помочь современному ему читателю (немецкызычному⁴) познакомиться с чешской литературой добелогорского периода. Лишь так называемое «второе поколение чешского национального возрождения» (середина XIX века) вознамерилось «сделать из чешского языка развитый национальный язык, который мог бы <...> во всех областях жизни заменить немецкий язык» [Petr 1989: 37].

Положительной стороной сложившейся ситуации являются богатейшие возможности использования оппозиции «литературный чешский язык» – «обиходно-разговорное койне» в качестве яркого стилистического средства.

Обиходно-разговорные и диалектные (интердиалектные) элементы используются в художественной литературе и кинематографе в качестве одного из важных средств создания речевых портретов персонажей именно в силу их некодифицированности, «неправильности». Как много

⁴ В этой связи уместно вспомнить историческую комедию современного чешского автора Л. Смоляка, где в числе прочих персонажей начала XIX века действует **чешско-говорящая немецкая патриотка** Мاستилкова и **немецко-говорящий чешский патриот** Яммерваль (*Smoljak L. HYMNA ANEB URFIDLOVAČKA: Hra se zpěvy // To nejlepší ze Smoljaka, Svěráka a Járy Cimrmana II. Praha, 2006*).

это значит, видно на примере популярного чехословацкого сериала 70-х годов о следователе Земане. Поскольку большинство персонажей тридцати фильмов шпионско-криминального сериала не особенно искусственны в изящной словесности, обиходно-разговорные, просторечные и сленговые выражения зритель слышит с экрана вполне регулярно. Однако в «чешских титрах для людей с дефектами слуха», которыми сериал снабдила фирма PRAGUE PROMOTION s.r.o, выпустившая сериал в 2008 году на пятнадцати DVD в качестве «памятника тоталитарной эпохи», идет литературный чешский язык (*spisovná čeština*). Как много теряет фильм при «перевode» на литературный чешский язык, в данном случае буквально «видно невооруженным глазом».

По нашему убеждению, значительную, если не основную долю комического в «Приключениях бравого солдата Швейка» Я. Гашека составляет именно макаронизм текста (чешский литературный язык + обиходно-разговорное койне, обильно сдобренное вульгаризмами и просторечьем + немецкий). В русском переводе П. Богатырева «степень макароничности» понижается за счет исчезновения противопоставления «литературный чешский язык» – «обиходно-разговорное койне» (однако кое-где сохранены немецкие вкрапления, хотя в оригинальном чешском тексте этих вкраплений все равно было намного больше, они приводятся там не только в немецкой орфографии, но и «по-чешски» – в разной степени исковерканности, ср. *kvér* < *Gewähr*, *frajtr* < *Gefreute* и т.д.). При переводе книги на немецкий язык исчезают последние остатки макароничности и остается один лишь авторский юмор, местами довольно сомнительный. Поэтому, наверное, не случайно многие русские и почти все немцы из круга знакомых автора статьи воспринимают данную книгу Я. Гашека как скучноватую. Отметим кстати, что при озвучивании роли Швейка в кинематографе немецкие актеры коверкают произношение, имитируя «богемский» выговор **немцев** из Чехии, Моравии, Словакии и отчасти из Вены – *Böhmakeln* (тем самым макаронический текст оригинала замещается псевдомакароническим текстом перевода), см. [Torberg 2008].

Перспективы можно видеть в постепенном сближении чешского литературного языка и обиходно-разговорного койне. Литературный чешский язык (*spisovná čeština*) постепенно демократизируется, избавляясь от одних элементов и обзаводясь другими. Обиходно-разговорные формы сначала проникают в литературный язык на правах дублетов, а затем могут стать основными (или даже единственными) вариантами, ср. формы типа *píši* > *píši/píšu* > *píšu*. Главное, этот процесс должен быть естественным и независимым от конъюнктурной риторики.

References

1. *Васильева В.Ф., Широкова А.Г.* Чешский язык в новом тысячелетии (общая характеристика языковой ситуации и динамических инноваций) // Славянский вестник: Выпуск 1. М., 2003. С. 46-69.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения в 3 томах. М., 1983.
3. *Betsch M.* Zur Entwicklung des Systems der Anredepronomina in Tschechischen 1700-1850 // Beiträge der Europäischen Linguistik (POLYSLAV) 1 / *Giger M., Wiemer B.* (Hrsg.). München, 1998. S. 37-44.
4. *Daneš Fr. et al.* Český jazyk na přelomu tisíciletí. Praha, 1997.
5. *Sgall P., Hronek J.* Čeština bez příkras. Praha, 1992.
6. *Petr J.* Preface // *Jungmann J.* Slovník česko-německý. D.1. Praha, 1989. S. 5-38.
7. Spisovná čeština a jazyková kultura: Sborník z olomoucké konference 23.-27.8.1993. Praha, 1995. 1; 2.
8. *Torberg F.* Anhang: Als noch geböhmakelt wurde // *Torberg F.* Die Tante Jolesch und die Erben der Tante Jolesch (Doppelband). München: Verlag Langen Müller, 2008. S. 615–620

Изотов А.И. Литературный чешский язык и обиходно-разговорное койне // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2008. – Вып. 36. – С. 64-69. ISBN 978-5-317-02619-6